

Кальвинъ.¹⁾

(1509—1909).

Скитанія Кальвина съ конца 1533 г. Пробываніе Кальвина въ Базелѣ и работа надъ Institutio. Institutio какъ выраженіе міровоззрѣнія К. и планъ его послѣдующей религіозно-реформаторской дѣятельности. Возможность совмѣстнаго разсмотрѣнія всѣхъ редакцій Institutio. Задача Institutio. Содержаніе предисловія („Обращеніе къ королю“) и главной части (существенные пункты). Путешествіе К. въ Италію къ герцогинѣ Ренатѣ, оставленіе Италіи и случайное посѣщеніе Женевы. Краткое ознакомленіе съ общественно-религіозными сторонами быта Женевы. Первые слѣды реформациі въ Женевѣ и актъ 21-го мая 1536 г.

Перейдемъ къ дальнѣйшей жизни и дѣятельности Кальвина. Если въ наукѣ еще и до настоящаго времени вопросъ объ авторскомъ участіи Кальвина въ рѣчи, сказанной Коцомъ въ ноябрѣ 1533 г., является спорнымъ, то фактъ удаленія Кальвина послѣ означеннаго обстоятельства изъ Парижа въ Южную Францію признается всѣми. Съ конца 1533 г. начинается для Кальвина страннической образъ жизни. Боясь розысковъ Сорбонны и Парламента, Кальвинъ удаляется въ Ангулемъ, гдѣ у каноника Луи дю-Тиллье пользуется убѣжищемъ, гостепріимнымъ радушіемъ и библіотечкой. Весною 1534 г. Кальвинъ посѣщаетъ Неракъ, резиденцію Маргариты Наваррской, мѣстопробываніе ученыхъ, ху-

¹⁾ См. Труды Киевск. Дух. Акад., Сентябрь, 1909 г.

дожниковъ и поэтовъ, и убѣжище гонимыхъ за исповѣданіе новаго ученія ¹⁾).

Личное обращеніе Кальвина съ Маргаритой, Русселемъ и Лефевромъ и наблюденіе надъ протестантскимъ богослуженіемъ, можно думать, было для скитальца отраднымъ утѣшеніемъ. Побывавши затѣмъ въ Нойонѣ (май 1534 г.) и отказавшись отъ пребанды, Кальвинъ снова возвращается въ Ангулемъ, въ 1534 же году мы видимъ Кальвина въ Парижѣ, Пуатье, Орлеанѣ, гдѣ онъ готовится къ печати свою работу *rsuchorannuschia*. Однако, пребываніе во Франціи для Кальвина скоро стало опять невозможнымъ. Осенью 1534 г. (18—19 октября) разыгралась исторія съ плакардами-воззваніями анти-католическаго содержанія; протестанты и раньше расклеивали эти воззванія, но въ данный моментъ расклеили ихъ въ такомъ изобиліи, что даже одно изъ нихъ было повѣшено на дверяхъ комнаты короля. „Король усмотрѣлъ въ этомъ не только средство религіозной борьбы, но и личное оскорбленіе: какіе-то люди имѣли дерзость проникнуть въ

¹⁾ Маргарита, сестра Франциска 1-го, первоначально герцогиня Алансонская, а затѣмъ королева Наваррская, очень замѣчательная личность эпохи французскаго ренессанса первой половины XVI столѣтія. Какъ женщина хорошо образованная, богато одаренная способностями ума и сердца, Маргарита симпатизировала искренно новому теченію и не только давала представителямъ послѣдняго убѣжище при своемъ дворѣ, но и не разъ выручала ихъ изъ бѣды своимъ личнымъ ходатайствомъ предъ Францискомъ, на котораго имѣла сильное нравственное вліяніе. Перу Маргариты принадлежатъ Гептамеронъ, Зерцало грѣшной души и много вдохновенныхъ стихотвореній. Поэты въ ея имени прозѣвали символическое предуказаніе Промысла на то, что она дѣйствительно должна была явиться на фонѣ исторической, современной имъ жизни, свѣтящейся жемчужиной. Болѣе подробно о Маргаритѣ Ангулемской см. Петрункевичъ А. М. Маргарита Ангулемская и ея время. С.-Петербургъ 1899 г.

глубь его дворца, чуть не въ его спальню, для того, чтобы въ грубыхъ и непристойныхъ выраженіяхъ ругаться надъ религіей, къ которой принадлежитъ онъ, самъ „христіаннѣйшій король“ ¹⁾. Послѣ торжественныхъ процессій, имѣвшихъ значеніе очищенія, король вооружился противъ новаторовъ, не останавливаясь и предъ смертной казнью ²⁾. При такихъ обстоятельствахъ Кальвину оставаться въ предѣлахъ Франціи было рискованно, и онъ бѣжитъ въ сопровожденіи Тиллье въ Страсбургъ, международный пунктъ протестантскихъ теченій, въ центрѣ которыхъ стояли здѣсь Буцеръ и Капито. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Страсбургѣ, Кальвинъ удаляется въ Базель.

Пребываніе Кальвина въ Базелѣ заслуживаетъ особенно быть отмѣченнымъ, потому что именно въ это время Кальвинъ работалъ надъ своимъ знаменитымъ сочиненіемъ *Institutio religionis Christianae*, доставившимъ ему, какъ среди его современниковъ, такъ и потомковъ громкую и заслуженную извѣстность. Въ Базелѣ Кальвина приняли радушно

¹⁾ Петрункевичъ, *ibid.* 269.

²⁾ Отношенія Франциска 1-го къ протестантамъ были довольно непостоянны; по своему складу король одинаково не интересовался серьезно ни католичествомъ ни протестантствомъ. Онъ смотрѣлъ на религію попреимуществу съ политической точки зрѣнія. Въ 20 хъ годахъ XVI стол. Францискъ былъ поклонникомъ ученыхъ гуманистовъ, часто, подъ вліяніемъ своей сестры, оказывалъ покровительство и послѣдователямъ новаго ученія. Но послѣ мадритскаго плѣна король подпадаетъ больше вліянію маршала Монморанси и кардинала де-Турнона, истыхъ католиковъ. Послѣдніе убѣждали короля хранить и защищать католичество, указывая на то, что съ паденіемъ послѣдняго грозитъ серьезная опасность и королевской власти. Послѣ плакардовъ король и взглянулъ на протестантовъ, какъ на опасную секту и въ чисто государственномъ смыслѣ, почему съ необычайной ревностью взялся за дѣло ея преслѣдованія и искорененія.

вѣроятно по рекомендаціи извѣстнаго намъ, бѣжавшаго сюда Копа. Одинъ изъ пасторовъ (Симонъ Гриней) приглашаетъ Кальвина къ себѣ въ домъ и предлагаетъ ему должность проповѣдника, но Кальвинъ отказывается.

Его завѣтнымъ желаніемъ въ данный моментъ было найти спокойный уголокъ для задуманной, а быть можетъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, уже начатой въ Ангулемѣ работы; почему Кальвинъ поселяется у одной женщины (Екатерины Клейнъ), находи этотъ пріютъ подходящимъ для своихъ цѣлей. Въ какомъ отношеніи, такъ сказать активнаго участія, стоялъ Кальвинъ къ новымъ теченіямъ и передовымъ лицамъ Базеля, сказать ничего нельзя за отсутствіемъ данныхъ, хотя было бы, конечно, очень интересно знать, какъ Кальвинъ относился къ плодамъ трудовъ незадолго умершаго предъ этимъ Эколампадіи и къ старику Эразму. Мы знаемъ лишь, что Кальвинъ въ Базелѣ въ теченіе 15 мѣсяцевъ работаетъ надъ своимъ сочиненіемъ *Institutio* (съ начала 1535 г. и до марта 1536 г.).

Данное произведеніе Кальвина заслуживаетъ особеннаго вниманія изслѣдователя, потому что оно является отображеніемъ тѣхъ теоретическихъ принциповъ, которые Кальвинъ положилъ въ основу всей своей практической реформаціонной дѣятельности. *Institutio* — это программа Кальвина, а вмѣстѣ съ тѣмъ систематическая структура реформатства.

Однако, текстъ *Institutio* 1536 г. не является единственной редакціей даннаго сочиненія; послѣднее переиздавалось Кальвиномъ еще два раза: въ 1539 и 1559 гг., при чемъ каждая изъ послѣдующихъ редакцій превосходитъ предшествующую себѣ большей полнотой и обстоятельностью, такъ, напр., первое изданіе *Institutio* 1536 г. (514 стр. in 8°) равняется лишь четвертой части послѣдняго изданія 1559 г. Отсюда самъ собою напрашивается вопросъ, не ограничивается-ли высказанная мысль по отношенію къ *Institutio*

редакціи 1536 г., что оно является отображеніемъ теоретическихъ принциповъ реформаціонной дѣятельности Кальвина, а также можно-ли въ данномъ мѣстѣ разсматривать содержаніе *Institutio* редакціи 1536 г. отдѣльно или же совместно съ позднѣйшими редакціями 1539 и 1559 гг. Собственно говоря въ наукѣ различныхъ взглядовъ на данный предметъ не существуетъ; исследователи всѣ согласны въ томъ, что Кальвинъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ своего сочиненія остался тѣмъ же *по существу*, какимъ заявилъ себя и въ первой редакціи *Institutio*, онъ не отступилъ ни отъ одной изъ мыслей, высказанныхъ въ первомъ изданіи, и не привнесъ совершенно новаго по качеству въ послѣдующія редакціи. Правда, нельзя представлять Кальвина совершенно остановившимся и кристаллизовавшимся въ первомъ изданіи нѣтъ, развитіе его совершалось и обогащалось, о чемъ уже ясно свидѣлствуетъ фактъ существованія позднѣйшихъ болѣе обширныхъ по объему изданій, но это было лишь *раскрытіемъ*, болѣе отчетливымъ развитіемъ совершенно тождественныхъ между собою однихъ и тѣхъ же основныхъ началъ. Вотъ почему можно принять, что и первое изданіе *Institutio* является программой Кальвина, и что нисколько не будетъ ущербомъ для дѣла разсмотрѣть мысли *Institutio* совместно всѣхъ изданій, какъ это и дѣлаютъ почти всѣ извѣстные намъ западные исследователи ¹⁾).

Задача *Institutio* опредѣляется самимъ Кальвиномъ, хотя и въ другомъ позднѣйшемъ сочиненіи (предисловіе къ

¹⁾ Намъ русскій ученый проф. Випперъ разсматриваетъ редакціи *Institutio* въ хронологическомъ порядкѣ слѣдованія другъ за другомъ отдѣльно (1-е изд. см. стр. 117, 2-е—201, 3-е—518). Не споримъ, что подобный распорядокъ болѣе естественъ съ точки зрѣнія хода развитія личности Кальвина, но и совместное разсмотрѣніе редакцій не можетъ вызвать существенныхъ возраженій.

исаиимамъ), довольно опредѣленно. Кальвинъ своимъ наставленіемъ, съ одной стороны хотѣлъ раскрыть глаза королю на послѣдователей новаго ученія и тѣмъ отвратить отъ нихъ несправедливыя гоненія, а съ другой—имѣлъ въ виду дать наставленіе всѣмъ нетвердымъ еще въ вѣрѣ и желающимъ познакомиться съ истинно евангельскимъ ученіемъ. Эти двѣ цѣли тѣсно объединялись между собою, и Кальвинъ, какъ это и можно было ожидать, центръ тяжести переноситъ на систематизацію новаго ученія, посвящая королю лишь предисловіе сочиненія. Возможно допустить, что обращаясь къ королю въ предисловіи, онъ самымъ содержаніемъ своего труда хотѣлъ подтвердить высказанное общо и кратко.

Предисловіе „Наставленія“ нѣкоторыми изъ современныхъ изсѣдователей выдѣляется особо подъ именемъ „письма къ королю“ и подвергается довольно тщательному анализу¹⁾. Остановимся и мы на главныхъ мысляхъ названнаго предисловія

Обращаясь къ Франциску I, Кальвинъ указываетъ на то, что христіанскій король въ своихъ отношеніяхъ къ лицамъ новаго исповѣданія руководится не своимъ наблюденіемъ и знаніемъ, а совѣтами другихъ, его окружающихъ, которые несправедливо клеветаютъ на несогласныхъ съ ними въ вѣрѣ, представляя ихъ опасною анабаптистскою сектою, міровоззрѣніе и образъ дѣйствій которой вреденъ не только для католической религіи, но и для государственнаго порядка. Кальвинъ проситъ короля, чтобы онъ не закрывалъ своихъ глазъ и сердца на истинное положеніе дѣла, потому что его высокое званіе налагаетъ на него обязанность служить славы и чести имени Божію на землѣ.—Желая показать королю, что сужденія католической партіи касательно

¹⁾ Bossert S. 32 д. Heidmuller S. 25 и д.

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. III. 1909 г.

евангельскаго ученія невѣрны и односторонни, а частью и совершенно ложны, Кальвинъ обращается по пунктамъ къ тѣмъ возраженіямъ и клеветамъ (*calumniæ*) которыя обычно приходилось выслушивать его собратьямъ. „Говорятъ“, пишетъ Кальвинъ, „ученіе наше новое“: но на самомъ дѣлѣ оно есть древнее, первоначальное, подлинно-библейское, „*nilhil apud nos deprehendet novum*“¹⁾; если же и можно назвать его новымъ, то только потому, что оно было сокрыто подъ слоемъ человѣческихъ преданій.

„Наше ученіе не подтверждается чудесами“, но желать чуда въ данномъ случаѣ нечестиво (*qui miracula a nobis postulant improbe faciunt*) и противоразумно, потому что проповѣдуется не новое евангеліе, а евангеліе Христа, дѣйственная сила котораго превосходитъ всѣ чудеса...

„Наше ученіе не опирается на авторитетъ отцовъ“, но отцы были люди, почему и высказывали нерѣдко ошибочныя сужденія, что открывается ясно изъ ихъ противорѣчій по однимъ и тѣмъ же вопросамъ; въ то время какъ одинъ изъ отцовъ не считаетъ за грѣхъ употребленіе въ постъ мяса, другой это считаетъ безусловнымъ грѣхомъ; въ то время какъ нѣкоторые высказываются за трудъ, которымъ долженъ кормиться монахъ, другіе запрещаютъ его и совѣтуютъ монаху жить на счетъ ближняго, а время употребить на молитву и религіозныя упражненія; одни изъ отцовъ запрещаютъ бракъ духовенству, заповѣдуя воздержаніе другіе разрѣшаютъ бракъ, усматривая истинное цѣломудріе въ общеніи съ законными женами.

Кальвинъ далѣе указываетъ на то, что многіе изъ отцовъ высказывали совершенно же такія сужденія, которыя исповѣдуютъ и они—послѣдователи „новаго“ ученія; въ данномъ случаѣ Кальвинъ ссылается на отцовъ, говорившихъ

¹⁾ Opera omnia т. VIII, 3.

противъ крайней матеріализаціи богослужебнаго культа, противъ роскоши въ богослуженіи, противъ нѣкоторыхъ обычаевъ въ соблюденіи постовъ, монашескихъ правилъ, противъ заупокойныхъ обѣденъ, пресуществленія, celibата. Кальвинъ называетъ имена Амвросія, Спиридона, Августина папу Геласіи, Пафнютія. Опровергая другія возраженія касательно того, что они не поддаются увѣщаніямъ, производятъ разладъ спорами въ церкви и т. д., Кальвинъ совмѣстно съ оправданіемъ указываетъ и на пороки самихъ нападающихъ.

Въ заключеніи предисловія Кальвинъ выражаетъ надежду, что король теперь посмотритъ правильно и объективно на дѣло, особенно если прочитаетъ предлагаемое имъ сочиненіе безъ предвзятой мысли и раздраженія. Если же король и теперь не откроетъ своего сердца то они—всѣ послѣдователи „новаго“ ученія—выражаютъ „velut oves mactationi destinatae“¹⁾ готовность терпѣть въ упованіи, что Господь своей десницей спасетъ своихъ рабовъ отъ печали, страданій и скорби. Заканчиваетъ Кальвинъ свое предисловіе, выраженіемъ пожеланія укрѣпленія трона царя на справедливости и безпристрастіи: *Dominus rex regum, thronum tuum justitia stabiliat, solium tuum aequitate illustrine Rex!*“²⁾.

Обратимся къ существеннымъ пунктамъ содержанія самаго „Наставленія“. Первая редакція (1536 г.) по своей композиціи очень близко подходитъ къ плану малаго катихизиса Лютера, распадается она на шесть главъ: I трактуетъ „о законѣ“, II о вѣрѣ (апост. символъ); III о молитвѣ; IV о таинствахъ (крещеніи и евхаристіи); V о мнимыхъ таинствахъ; VI о христіанской свободѣ. Изданіе „наставленія“

¹⁾ Opera omnia, т. VIII; 5 обор.

²⁾ Вопросъ—читалъ ли Францискъ посвященную ему работу, рѣшается учеными отрицательно, такъ какъ Instit. вышло на латинскомъ языкѣ. Кальвинъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду воздѣйствовать на сферы, близкія къ королю.

1539 г. содержитъ въ себѣ уже 17 главъ, а послѣднее 1559 г. распадается на четыре книги, образующихъ 80 главъ; I-ая книга трактуетъ о Богѣ, творцѣ и вседержителѣ міра; II о Богѣ Исполнителѣ (Христѣ Спасителѣ); III о благодати Божией; IV о внѣшнихъ средствахъ спасенія.

Центральнымъ пунктомъ богословія Кальвина является мысль о Богѣ или частице о славѣ и чести имени Божія. Современники рассказываютъ, что часто во время разговора Кальвинъ одною рукою снимая свою шапку, другой благоговѣнно указывалъ на небо и произносилъ: „все для славы Божией“. . Эту мысль *explicite* и *implicite* можно находить во всѣхъ разсужденіяхъ Кальвина: „слава Божія—объектъ для всего тварнаго универса" ¹⁾. Отсюда самая первая и единственно жизненная задача человѣка—познаніе Бога и служеніе Его имени. Какимъ же образомъ и какимъ путемъ можно познать Бога? Кальвинъ указываетъ прежде всего на путь естественнаго познанія: представленіе о Богѣ коренится въ природѣ человѣческаго духа, свидѣтельствомъ чему служатъ грубѣйшія языческія религіи. Въ дѣлѣ познанія Божества большое значеніе принадлежитъ и міру, который является зеркаломъ славы Божией и нѣтъ такого уголка вселенной, который не носилъ бы на себѣ печать величія Божія. Даже тотъ, кто отрицаетъ бытіе Божіе, косвенно для себя признаетъ Его существованіе и ведичіе въ глубокихъ переживаніяхъ и смятеніяхъ своей совѣсти. Но для болѣе правильнаго понятія о Божествѣ существуетъ надежнѣйшій и безспорный источникъ—сверхъестественное откровеніе. Высокое значеніе этого авторитета обусловливается тѣмъ, что его данъ, продиктовалъ, самъ Богъ чрезъ св. Духа. Свидѣтельство Церкви не можетъ имѣть никакого значенія для авторитета Библии—ни въ смыслѣ ея подтвер-

¹⁾ Walker p. 410.

жденія, ни толкованія. Писаніе говоритъ ясно само за себя и доступно для пониманія каждого, какъ написанное Духомъ Божиимъ. Для христіанина познавать Бога значитъ не только признавать, что Богъ существуетъ, а что Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является и виновникомъ всѣхъ вещей; все твореніе, какъ обязанное своимъ происхожденіемъ Его волѣ, необходимо должно направляться къ Нему въ смиренномъ послушаніи чистаго сердца. Подобное познаніе Божества есть уже первая ступень вѣры.

Признаніе Бога виновникомъ всего бытія заставляетъ признать человѣка, что Богъ не только создалъ міръ, а и управляетъ имъ по своей премудрости. Въ основѣ всего происходящаго, даже того, что намъ можетъ казаться противорѣчащимъ естественнымъ законамъ природы, нежить *воля* Божія. Изъ этого закона не исключается Кальвиномъ зло и страданія людей. Проводя такъ рѣшительно—до послѣднихъ логическихъ выводовъ мысль о волѣ Божіей, какъ источникѣ всего сущаго, Кальвинъ не могъ не остановиться на тѣхъ возраженіяхъ, которыя предносились ему съ точки зрѣнія нравственнаго чувства: какимъ образомъ явился въ міръ грѣхъ, если все есть созданіе благого Творца и слѣдовательно все должно носить на себѣ печать только одного добраго, положительнаго? Какимъ образомъ человѣкъ,—образъ Божій, *могъ* преступить повелѣніе Творца. Въ началѣ Кальвинъ совершенно не отвѣчалъ на эти вопросы, относя ихъ къ категоріи тѣхъ нечестивыхъ положеній, которыя представляются такими же людьми въ цѣляхъ оправдать себя и возложить вину на Бога, но впоследствии Кальвинъ считаетъ нужнымъ дать на нихъ разъясненіе чрезъ различеніе двоякаго состоянія души до паденія и послѣ него.

До паденія человѣка силы послѣдняго—разумъ, чувство и воля находились въ гармоническомъ состояніи. Если же многимъ кажется, что эти способности были недостаточны въ своемъ совершенствѣ, то этимъ далеко нельзя набрасы-

вать тѣни на планы Божіи, потому что нѣтъ никакого основанія желать, чтобы *Богъ такъ именно создалъ человека, чтобы послѣдній не могъ никогда пожелать согрѣшить*. Что же касается того пункта, что Богъ не упрочилъ наличныя человѣческія способности въ добродѣтели, то это сокрыто въ совѣтѣ Божіемъ, и нашъ долгъ довольствоваться скромнымъ знаніемъ.

Сущность грѣха перваго человѣка состояла въ преслушаніи воли Божіей, слѣдствіемъ чего было. измѣненіе природы, какъ самаго падшаго человѣка, такъ и его потомковъ и отдаленіе ихъ отъ Бога. Воли у человѣка осталась и теперь, послѣ паденія, но способность совершать добрыя дѣла потеряна. Человѣкъ грѣшитъ *по необходимости*, но не *по принужденію*, такъ какъ актъ желанія принадлежитъ ему; отсюда рабство воли тѣсно соединяется для человѣка съ его личною отвѣтственностью.

Однако это средостѣніе между Богомъ и человѣкомъ. произведенное грѣхомъ человѣка, совѣтомъ Божиимъ разрушается, и нарушенный союзъ восстанавливается снова. Иисусъ Христосъ является посредникомъ между Богомъ и людьми, чрезъ свое воплощеніе дѣлая людей сынами Божиими. Единородный Сынъ Божій принялъ плоть отъ нашей плоти, кость отъ нашей кости, чтобы стать съ нами едино. Онъ воспринялъ въ свою Ипостась, что свойственно намъ, чтобы то, что свойственно Ему, принадлежало также и намъ, посему мы надѣемся быть соучастниками небеснаго наслѣдія,—ибо если мы Его братья, то и сонаслѣдники. Христосъ своими страданіями, крестною смертію и воскресеніемъ искупилъ человѣка, но эту вѣсть сообщаетъ человѣку чрезъ слово Божіе Св. Духъ, являющійся посредникомъ между человѣкомъ и Христомъ, подобно тому, какъ Христосъ посредствуетъ между человѣкомъ и Богомъ.

Однако человѣкъ, какъ падшій и несамостоятельный, не совершаетъ самъ своего спаенія; оно совершается бла-

годатю Божіей чрезъ вѣру, понимаемую не въ смыслѣ интеллектуальнаго постиженія божественныхъ тайнъ, а въ смыслѣ сердечнаго довѣрія къ Откровенію; при чемъ въ силу того, что все происходящее совершается по предвѣчно начертанному Божественному плану, и спасеніе совершается *по предопредѣленному напередъ Божію совѣту*. Этотъ предвѣчный совѣтъ о спасеніи человѣка сводится въ своей сущности въ отношеніи всего человѣчества къ *избранію* (electio) однихъ и *отверженію* другихъ (reprobatio). Кальвинъ такъ говорить по этому вопросу: „praedestinationem vocamus aeternum deo decretum, quo apud se constitutum habuit, quid de unoquoque homine fieri vellet. Non enim pari conditione creantur omnes, sed aliis vita aeterna, aliis damnatio aeterna proeordinatur. Itaque prout in alterutrum finem quisque conditus est, ita vel ad vitam vel ad mortem praedestinatum dicimus“¹⁾. Основаніе для такого подраздѣленія людей на „избранныхъ“ и „отверженныхъ“, по Кальвину, коренится не въ предвидѣніи поступковъ людей, а единственно въ волѣ Божіей, открывающей свою славу и величіе. Кальвинъ и здѣсь считается съ возраженіями противъ предопредѣленія, какъ онъ считался съ недоумѣніями, выставляемыми противъ ученія о паденіи Адама. Богъ поступаетъ несправедливо, если однихъ предопредѣляетъ къ спасенію, а другихъ къ гибели, говорили Кальвину. Кальвинъ совершенно не соглашается съ этою мыслью, указывая на то, что въ мотивахъ воли Божіей лежатъ начала—милосердія и справедливости; первое лежитъ въ основаніи избранія, второе — отверженія. „Что желаетъ воля Божія, то потому уже необходимо считать справедливымъ... Спрашиваютъ, почему Богъ такъ поступаетъ? — единственный отвѣтъ — Онъ такъ желаетъ; гдѣ дѣйствуетъ сама

¹⁾ Calvinus. Opera omnia, т. VIII, Institut. Lib III. Cap. XIX, 5 (р. 246).

справедливость, о несправедливости не может быть рѣчи...“¹⁾ „А ты кто человѣкъ, что споришь съ Богомъ? Издѣлие скажетъ-ли сдѣлавшему его:—зачѣмъ ты меня такъ сдѣлалъ?“... (Римл. IX, 20).

Противъ данныхъ положеній Кальвину указывали на то, почему же Богъ наказываетъ грѣхъ, если послѣдній также имѣетъ свое конечное основаніе въ волѣ Божіей. Кальвинъ дѣйствительно соглашался съ тѣмъ, что грѣхъ предопредѣленъ отъ Бога и боялся здѣсь прибѣгать къ понятію пощущенія, которое рождаетъ большія логическія затрудненія въ отношеніи къ представленію о неизмѣнной, всегда и вездѣ дѣйствующей волѣ Божіей, но въ своихъ выводахъ смягчалъ прямолинейность мысли. *Cadit igitur homo dei providentia sic ordinante, sed suo vitio cadit.* „Богъ“, по Кальвину, не желалъ грѣха, какъ грѣха, но какъ все, что Онъ производитъ, какъ средство къ раскрытію Его вѣчныхъ мыслей, завершаемыхъ цѣлью самопрасловленія, „а какая дорога ведетъ къ ней—это Его дѣло“²⁾.

При утвержденіи „избранія“ однихъ и „отверженія“ другихъ напрашивается возраженіе о частичномъ (а не универсальномъ) призваніи къ спасенію и лицепріятіи въ избраніи. Кальвинъ указываетъ по даннымъ пунктамъ на то что призваніе универсально—Богъ чрезъ проповѣдь евангелія всѣхъ людей призываетъ къ спасенію безъ различія; но это общее призваніе включаетъ въ себѣ еще *особенный*, второй родъ обращенія, направленный на избранныхъ и посредствуемый Духомъ. О лицепріятіи же не можетъ быть рѣчи, какъ потому, что воля Божія управляется высочайшими мотивами милосердія и справедливости, такъ и потому что избраніе не зависитъ отъ состоянія, пола, званія и характера призываемыхъ.

¹⁾ Schweizer. S. 162.

²⁾ Sodeur S. 22.

Идея декрета Божія, выражающаяся по отношенію къ спасенію человѣка въ актѣ избранія и отверженія, не является лишь теоретическимъ или метафизическимъ моментомъ, реализуемымъ въ потустороннемъ мірѣ, а осуществляется *здѣсь* на землѣ. *Эмпирическое* ея выявленіе, по Кальвину, должно находить въ Церкви въ моментѣ положительномъ (избраніе) и внѣ ея въ моментѣ отрицательномъ (отверженіе). Отсюда ученіе о Церкви у Кальвина занимаетъ очень видное мѣсто и необходимо сказать не только, какъ логическій выводъ изъ акта избранія (объективная сторона), но и какъ существенный постулатъ увѣренности человѣка въ своемъ избраніи и спасеніи (субъективная сторона).

По Кальвину, Церковь обнимаетъ собою всѣхъ предопредѣленных¹⁾, какъ тѣхъ лицъ, которыя чрезъ св. Духа приводятся въ общеніе со Христомъ. Избранные, какъ лица одного и того же порядка, составляютъ и должны составлять общину, въ которой, посредствомъ извѣстныхъ богодарованныхъ средствъ (слово Божіе, таинства), каждый удостоверяется въ своемъ избраніи.

Разсматриваемая съ точки зрѣнія общаго опредѣленія—Церковь, какъ сумма всѣхъ избранныхъ,—невидима и является лишь предметомъ вѣры, трактуемая же съ болѣе узкой—какъ *община* избранныхъ—Церковь видима и проявляетъ внѣшне, эмпирически свою дѣятельность—она преподаетъ свое исповѣданіе, какъ выраженіе истинной вѣры, и таинства—крещеніе и евхаристію, какъ благодатные символы печати избранія.

Органами дѣятельности Церкви должны быть извѣстные, облеченныя властью лица, какъ преемники служенія апостоловъ; на ихъ обязанности должно лежать не только

1) Non tantum sanctos, qui in terra habitant, comprehendit, sed electos, omnes qui ab origine mundi fuerant... т. VIII, IV, 1, 7 (272).

проповѣдываніе евангелія и совершеніе таинствъ, но и наблюденіе за нравственнымъ дисциплиною, составляющею существенную, наравнѣ съ словомъ Божиимъ и таинствами, сторону жизни Церкви.

Необходимость строгаго нравственнаго поведенія для членовъ Церкви, по Кальвину, прежде всего слѣдовала логически изъ его общаго принципіальнаго положенія: „все для славы Божіей.“ Если все, что только ни существуетъ и не происходитъ въ мірѣ, служить раскрытію славы Божіей, то *тѣмъ болѣе* чести имени Божія должны служить тѣ, которые принадлежать Церкви и являются „избранными“ отъ вѣка. Не менѣе важное значеніе имѣла, по Кальвину, дисциплина со стороны объективнаго показателя для члена Церкви его принадлежности именно къ категоріи избранныхъ. Слушать Слово Божіе и принимать таинство можетъ собственно и неизбранный, вотъ въ этомъ то случаѣ нравственное совершенствованіе и является для человѣка вѣрнымъ эмпирическимъ признакомъ его дѣйствительной, а не внѣшней лишь принадлежности къ Церкви, а слѣдовательно и къ части избранныхъ. Нравственная дисциплина какъ со стороны логическаго раскрытія основнаго принципа Кальвина, такъ и психологическаго ея значенія составляетъ самый существенный нервъ жизни Церкви ¹⁾.

Наблюденіе предстоящихъ въ Церкви лицъ за нравственной дисциплиной должно выражаться въ увѣщаніи колеблющихся и въ эскоммуникаціи (отлученіи) упорныхъ и нерадивыхъ.

¹⁾ Вотъ почему у Кальвина встрѣчается и такое опредѣленіе церкви, которое центръ тяжести переноситъ именно въ область моральнаго поведенія. Церковь—организованное общество святыхъ свидѣтельствуетъ о себѣ, такъ народъ Божіею, повсюду чрезъ свои дѣла, поступки и строгость нравственнаго поведенія“ (Sodeur S. 18).

Опредѣляя основныя черты церкви, какъ единицы эмпирической, Кальвинъ старается установить отношеніе церкви къ государству. По мнѣнію Кальвина церковь совершенно отлична отъ государства, подобно тому какъ душа отлична отъ тѣла. Ближайшая задача государства состоитъ въ томъ, чтобы упорядочить жизнь человѣческаго общества, обезпечить миръ и безопасность, необходимыя для общества, оградить собственность и т. д. Но этимъ не можетъ исчерпываться вся задача государства, послѣднее должно стать въ тѣсныя отношенія къ церкви, въ смыслѣ активнаго стража церковныхъ интересовъ. Государство не можетъ терпѣть въ своихъ предѣлахъ идолослуженія, хуленія имени Божія, пороковъ и т. п. Въ этомъ случаѣ задача государства приближается къ задачѣ церкви, направляясь къ одной цѣли—служенія славы и чести имени Божія, съ той только разницею, что государство выполняетъ свою задачу путемъ внѣшнихъ мѣръ (принужденіе), а Церковь—внутреннихъ (убѣжденіе, слово). Руководящая, первенствующая роль въ актѣ координаціи принадлежитъ по Кальвину, Церкви. Отсюда, не смотря на георетическое рзграниченіе институтовъ Церкви и государства, практически Кальвинъ ставилъ послѣднее въ *подчиненное*—несамостоятельное отношеніе къ первому. Параллелизмъ переходитъ въ монизмъ—единую теократію: Богъ—верховный Царь, церковь заповѣдуетъ служить ему, а государство принуждаетъ къ этому.

Мы изложили кратко существенные пункты міровоззрѣнія Кальвина по Instit. различныхъ редакцій. Подведемъ бѣспо итоги. Богъ, какъ вседѣйствующая воля, разумная, святая и неизмѣнная, открывающая свое величіе и славу въ твореніи и во всемъ совершающемся, центральный пунктъ міросозерцанія Кальвина. Задача человѣка, существа тварнаго и падшаго,—служить славы и чести имени Божія, открывающейся по отношенію къ нему въ частности актомъ предвѣчнаго предопредѣленія, выражающагося въ избраніи

однихъ людей и отверженіи другихъ. Актъ избранія не можетъ служить поводомъ къ жалобамъ и ропоту, наоборотъ, при вдумчивомъ отношеніи онъ является источникомъ утѣшенія и нравственной мощи. Наглядно этотъ планъ домостроительства выражается въ жизни церкви, являющейся внѣшнимъ залогомъ спасенія избранныхъ, и дающей въ частности твердую увѣренность своимъ членамъ въ ихъ избранности чрезъ таинства, іерархію и нравственную дисциплину. Церковь единственно-самодовлѣющій институтъ, государство—внѣшній стражъ интересовъ Церкви. Эти положенія являются тѣми основами міросозерцанія Кальвина, которыя, какъ впоследствии наглядно показала исторія, послужили программой практической дѣятельности Кальвина, на которую онъ выступилъ неожиданно для себя вскорѣ послѣ появленія *Institutio*.

Закончивъ въ 1536 г. свой трудъ, Кальвинъ отправляется въ Италію—къ герцогинѣ Феррарской Ренатѣ, дочери Французскаго короля Людовика XII. При своихъ тѣлесныхъ недостаткахъ, Рената обладала большими духовными дарованіями, хотя и уступающими по своей силѣ дарованіямъ ея современницы Маргариты Ангулемской, но все же, довольно почтенными. Рената любила заниматься умственной работой—языками, исторіей, математикой, астрологіей; при всемъ томъ она искренно сочувствовала новому религіозному движенію. Поэтъ Маро такъ воспѣваетъ Ренату.

Enfant de roy par sa naissance,

Enfant du ciel par connaissance de celui qui la sauvera¹⁾.

Такой духовный обликъ Ренаты отчасти объясняетъ, намъ, почему Кальвинъ предпринялъ путешествіе въ Италію, хотя въ точности о ближайшей цѣли путешествія Кальвина намъ неизвѣстно.

Предположеніе біографовъ, что Кальвинъ хотѣлъ видѣть Ренату и Италію—довольно общо, утвержденіе, что Ре-

¹⁾ Cornelius... S. 17.

ната прочитала грудъ Кальвина и пожелала познакомиться съ его авторомъ—довольно рѣшительно (Кальвинъ, издавая *Instit*, не открылъ своего имени). Можетъ быть онъ-желалъ поддержать герцогиню въ ея ревности къ защитѣ новаго ученія и покровительствъ его представителей—сказать трудно. О прямой ближайшей цѣли путешествія Кальвина къ Ренатѣ, необходимо согласиться съ Корнелиусомъ, ничего неизвѣстно, даже по результатамъ путешествія ¹⁾. Пребываніе Кальвина въ Феррарѣ было непродолжительно ²⁾; не считая себя въ безопасности въ виду преслѣдованія инквизиціей, Кальвинъ покидаетъ Ренату. Изъ Италіи Кальвинъ отправляется въ свой родной городъ Нойонъ и отсюда думаетъ пробраться въ Базель, но по случаю войны Франциска I съ Карломъ V, Кальвинъ предпринялъ путь не чрезъ Лотаринію, а чрезъ Савойю; судьба судила ему дойти лишь до Женевы и здѣсь остаться ³⁾

¹⁾ Cornelius.. S. 107

²⁾ Конецъ марта, апрѣль и начало мая.

³⁾ Періодъ жизни Кальвина, по впечатаніи имъ сочиненія *Instit*, до поселенія К. въ Женевѣ, бѣдный по своимъ даннымъ настолько вызываетъ повышенный интересъ у исследователя что нѣкоторые изъ нихъ заполняютъ его событіями легендарнаго, или, по крайней мѣрѣ сомнительнаго характера. Часто представляютъ Кальвина въ роли довольно смѣлаго проповѣдника новаго ученія, который ловко увертывается отъ происковъ инквизиціи; такимъ нѣкоторые рисуютъ Кальвина въ Феррарѣ и въ Аостѣ, католическомъ городѣ, первомъ этапномъ пунктѣ бѣгства Кальвина изъ Италіи (см. Dyer Wyss... s. 17, Heidemüller (46—50). Что Кальвинъ былъ въ Аостѣ—это весьма вѣроятно, но о дѣятельности его здѣсь нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. До настоящаго времени существуютъ преданіе въ Аостѣ о домѣ Кальвина, „окно“ К.—развалина въ скалѣ, чрезъ которую будто бы бѣжалъ Кальвинъ. Мало того туристы и теперь можетъ видѣть памятникъ, сооруженный въ центрѣ престѣненія 4-хъ улицъ въ память бѣгства К. въ 1536 г. изъ города. На памятникѣ та-

Въ виду важности реформаторской дѣятельности Кальвина въ Женевѣ, намъ очень важно остановиться на нѣкоторыхъ общественно-политическихъ и религиозныхъ сторонахъ жизни Женевы въ періодъ времени до Кальвина, въ частности предъ моментомъ его прибытія сюда въ 1536 г. Сдѣлать это необходимо потому, чтобы лучше понять ту сферу, въ которой пришлось работать Кальвину и чтобы тѣмъ безпристрастнѣе оцѣнить его дѣятельность и дарованія. Занимая очень выгодный топографическій пунктъ, находящійся въ центрѣ пересѣченія Франціи, Германіи и Италіи, Женева, по своему политическому устройству, на границѣ реформации представляла своеобразное явленіе. Здѣсь скрещивались три власти — власть епископа, савойскихъ герцоговъ и мѣстной городской женевской общины.

Власть епископа—древнѣйшая. Епископъ имѣлъ право чекана монеты, распределенія податей и верховнаго суда въ гражданскихъ дѣлахъ. Рядомъ съ епископскою властью существуетъ въ Женевѣ власть савойскихъ графовъ, позднѣе герцоговъ; на ихъ обязанности лежала защита города. Одновременно съ епископомъ и савойскими графами въ городѣ дѣйствуетъ и вѣче, собиравшееся два раза въ годъ — для избранія 4-хъ синдиковъ и установленія дѣны на зерно и вино. Синдики были полномочными лицами города въ теченіе одного года, имъ епископъ и графъ приносили присягу на вѣрность въ сохраненіи свободы гражданъ, синдики рѣшали важныя уголовныя дѣла. При нихъ былъ такъ называемый „малый совѣтъ“, въ составъ его входили казначей и 20 членовъ: совѣтъ этотъ завѣдывалъ городскими дѣлами. Въ важныхъ случаяхъ приглашались для совѣщаній наибо-

кая надпись „Сооруженъ въ воспоминаніе бѣгства К. 1536 г. когда этотъ волею убѣжалъ въ Женеву“... и еще

Hanc Calvinus fuga erexit 1541 г.

Religionis constantia reparavit. 1741.

Civium pietas renovavit et adornavit

лѣе важныя лица города, изъ которыхъ образовался „советъ 60“, имѣвшій право смотрѣть за дѣйствіями малаго совета (впослѣдствіи Советъ 60 эволюционировался въ Советъ 200).

Этотъ своеобразный строй политической жизни Женевы былъ причиною столкновенія властей на почвѣ стремленія каждой изъ нихъ къ верховному господству надъ другими. Граждане оспариваютъ власть у герцога и епископа, герцогъ стремится къ подчиненію вѣча и епископа, послѣдній хочетъ господствовать и надъ герцогомъ, и надъ народнымъ собраніемъ. Правда, комбинація спорящихъ силъ могла колебаться и измѣняться въ зависимости отъ роста противной силы, но фактъ борьбы между властью остается въ исторіи общественной жизни Женевы постояннымъ явленіемъ. Когда же папской куріи въ половинѣ XV ст. удалось усилить власть епископа, посредствомъ выбора послѣдняго не капитуломъ, а именно куріей, то споръ раздѣлился собственно говоря между двумя инстанціями — городской общиною и епископомъ, такъ какъ епископское званіе давалось большею частью принцамъ изъ Савойской фамиліи. Въ силу такого, такъ сказать наследственнаго закрѣпленія за членами Савойской династіи епископскаго званія, поводовъ къ столкновенію горожанъ съ епископомъ стало еще болѣе. Бывали случаи, когда Женева имѣла десятилѣтняго по возрасту епископа (Петръ), или такихъ епископовъ, которые были совершенно равнодушны къ интересамъ города, вели безразличный образъ жизни и передавали свою власть надъ городомъ герцогу (Іоаннъ Савойскій 1513 г.). Такое ненормальное положеніе дѣлъ и наемническое отношеніе къ интересамъ города епископа и герцога послужили въ началѣ XVI ст. причиною особеннаго подъема чувства патріотизма въ гражданахъ Женевы и выдвинули на сцену борьбы такихъ горячихъ поборниковъ народной свободы, какъ Бертелье, Безансонъ и Бониваръ („Шильонскій уз-

никъ“). При помощи союза съ Верномъ Женева одержала побѣду надъ герцогомъ и епископомъ, и освободилась такимъ образомъ отъ давившаго ее ига. Но значеніе Берна аѣмъ не ограничилось для Женевы; послѣдняя, заключивъ „вѣчный миръ“ съ Верномъ, подверглась сильному вліянію со стороны своего союзника въ духовномъ отношеніи. Бернъ къ 30-мъ годамъ XVI столѣтія былъ уже протестантскимъ городомъ, почему союзъ съ Женевою былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ его вліянія на измѣненіе ея религіознаго уклада; въ исторіи дальнѣйшаго существованія Женевы, какъ увидимъ, могущественный союзный Бернъ равнимо слѣдилъ за политическимъ и религіознымъ ходомъ жизни своей младшей союзницы. Слабые дотолѣ въ Женевѣ слѣды реформаціоннаго движенія¹⁾, послѣ мира съ Верномъ, получаютъ значительную силу и развитіе. Женева открывасть широко двери проповѣди новаго ученія и здѣсь работаетъ такой видный представитель евангелизма, какъ Фарель (съ 1532 г.), человекъ съ горячимъ темпераментомъ, красивымъ звучнымъ голосомъ и хорошими манерами. Друзья и враги Фареля единогласно сходились въ сужденіяхъ о несомнѣнномъ и поразительно дѣйствительномъ его вліяніи на слушателей. Сначала женевицы встрѣтили Фареля недружелюбно (1532 г.), но затѣмъ проповѣдь его нашла для себя много слушателей. Въ свѣтскомъ одѣяніи Фарель проповѣдывалъ утромъ, вполдень и вечеромъ, въ церквахъ съ кафедрой и на улицахъ съ возвышеній²⁾. Женева раздѣлилась на два лагеря — консерваторовъ католиковъ, противниковъ союза съ Верномъ, тяготѣвшихъ къ Фрейбургу, и лицъ новаго направленія, симпатизировавшихъ новому ученію и въ своихъ крайнихъ выразителяхъ стремившихся къ освобожденію отъ

¹⁾ О слѣдахъ протестантизма въ Женевѣ до 1536 г., какъ и о политическомъ развитіи Женевы въ періодъ до прибытія сюда Кальвина см. Kampschulte Erst. B., erst Buch. и проф. Випцера Церк. и Госуд. I и II ч.

²⁾ Bossert S. 63.

Барна, но въ цѣляхъ созданія религіозно-національной независимости. Подъ вліяніемъ Фареля и пришедшаго къ нему на помощь проповѣдника Вире, протестантская партія одерживаетъ побѣду. „21-го мая 1536 г., въ воскресенье, собирается большой совѣтъ въ монастырѣ Saint Pierre, согласно обычаю, при звонѣ колоколовъ и при звукѣ трубъ. Первый бургмейстеръ предлагаетъ рѣшеніе малаго совѣта, уже одобренное совѣтомъ 200. Принятіе было единогласнымъ“ ¹⁾; въ протоколѣ говорится, что всѣ дали клятву предъ Богомъ держаться Евангелія... „всѣ мы единодушно желаемъ, съ помощію Божіей, жить по св. евангельскому и божественному слову, какъ оно намъ возвѣщается, и отречься отъ всѣхъ мессъ, какъ и прочихъ папскихъ церемоній и злоупотребленій — иконъ и изображеній (Gozen)“ ²⁾. Этимъ актомъ реформація была признана законнымъ явленіемъ въ Женевѣ ³⁾).

В. Поповъ.

¹⁾ Bossert S. 64.

²⁾ Ibid.

³⁾ Продолженіе слѣдуетъ.